

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/89/7

Толстовский текст в творчестве А. Белого

Валерия Викторовна Курьянова

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, Россия

kuryanova_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7570-1926>

Аннотация

На материале творчества Андрея Белого рассматриваются элементы толстовского текста как именного сверхтекста литературы. Утверждается, что основой этого текста является миф о Л. Н. Толстом, который активно развивается на протяжении полутора столетий, но особенную актуальность получает в начале XX в. в период популяризации духовного наследия писателя и осмысления его трагического ухода из собственного дома. Анализируется структура толстовского мифа, выявляются свойственные ему мифологемы (опрошение, непротивление злу насилием, величие, музыкальность, восточная философия), созданные или воспроизведенные писателем Серебряного века в соответствии с собственным художественным мировидением. В свете поставленной проблемы рассматриваются статьи, воспоминания, проза и лирика А. Белого. Биографический миф Л. Н. Толстого осмыслен в творчестве автора в контексте разлома культурологических эпох и смены художественных парадигм.

Ключевые слова

сверхтекст, именной текст, толстовский текст, биографический миф, миф о Л. Н. Толстом, А. Белый, «Июг», «Котик Летаев»

Для цитирования

Курьянова В. В. Толстовский текст в творчестве А. Белого // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 86–98. DOI 10.17223/18137083/89/7

Tolstoyan text in the work of Andrei Bely

Valeria V. Kurianova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation

kuryanova_v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7570-1926>

Abstract

The paper explores the creative heritage of Andrei Bely, with a focus on the elements of the text created by Leo Tolstoy as a personal literary supertext. This text is argued to be founded on a myth about Leo Tolstoy that has evolved for a century and a half, gaining significance

© Курьянова В. В., 2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 86–98

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 86–98

in the early 20th century as Tolstoy's spiritual influence becomes more recognized and his tragic exile is comprehended. The analysis examines the structure of the myth, identifying typical mythologemes created and reproduced by Bely and reflecting his poetic worldview and personal attitude to the works and personality of Leo Tolstoy. The analysis covers the lyrics, articles, and memoirs of Bely in the context of the problem under study. Emphasis is placed on the uniqueness of the representation of Tolstoy's text in the creative heritage of Bely, which stems from the similarity of worldviews, sacralization of the great image of the writer, and rejection of criticism and profanation of this image in fiction, publicism, and memoirs of his contemporaries. Unlike other modernist movements, the Symbolists did not aim to overthrow the idols of the past. On the contrary, they defended a certain continuity of tradition, especially concerning such a distinctive author as Bely. However, their desire to protect Tolstoy's authority also contributed to the creation of a biographical myth about the writer. The paper also explores the peculiarities of the perception of this myth in the culture and literature of the first third of the twentieth century.

Keywords

supertext, Tolstoyan text, nominal text, biographical myth, myth about Leo Tolstoy, A. Bely, *Yogi, Kitty Letaev*

For citation

Kurianova V. V. Tolstoyan text in the work of Andrei Bely. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 86–98. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/7

Современное литературоведение активно исследует большие текстовые структуры, относя определенный тип текстов по общности референта к топосным, событийным или именованным [Лошаков, Шушарин, 2016]. Толстовский текст как именной свертхтекст проявляется в творчестве писателей и поэтов по-разному. Зависит это прежде всего от восприятия автором толстовского мифа, закрепленного в коллективном сознании, и от собственного мифа о Льве Толстом, созданного каждым отдельным художником.

В основу именованного свертхтекста положен биографический миф, который, как правило, «работает» двухвекторно: либо на сакрализацию личности того или иного художника, либо на ее профанирование. При этом выбор одного из двух возможных направлений связан с мироощущением автора, особенностями его биографии, отношением к конкретной исторической фигуре в семье создателя мифа (очень важны здесь воспоминания детства, поскольку именно в детстве, отрочестве человек ищет значимые фигуры, определяющие его взросление, и такими фигурами становятся люди известные, выдающиеся), мнению его окружения, а также специфические особенности литературного течения, в рамках которого существует интерпретатор (см., например: [Курьянова, 2019]).

Общественно-литературная ситуация начала XX в. – радикальность настроений и желание обновления, формировавшееся в писательской среде, – требовала новых «идолов» и поэтому не могла обойтись без свержения устоявшихся авторитетов. Под перо ниспровергателей попадали прежде всего представители творческой интеллигенции и их произведения. И, конечно, первым в этой череде писателей-классиков был Лев Толстой как авторитет несомненный и всеми признанный.

Однако фигура писателя была столь грандиозна, что именно Толстой в ситуации социально-литературного нигилизма сумел выстоять, несмотря на многочисленные попытки профанирования его образа (см., например: [Курьянова, 2018]). И тому, как видится, было несколько причин, но главная заключалась в том, что

«великий Лев русской литературы» сам был своеобразным оппозиционером существующему общественному строю. Всевозможная критика могла касаться его спорной идеологической позиции, но никак не его безусловно высокой писательской и человеческой репутации. Поэтому представители русского символизма, не видя в нем своего непосредственного учителя, тем не менее испытывали перед Толстым несомненный пиетет.

Андрей Белый (что всегда отмечается при обращении к генезису его творчества) родился семье профессора, декана физико-математического факультета Московского университета Николая Васильевича Бугаева, проживавшего с семьей в центре города, на Арбате. Таким образом, с юных лет будущий поэт оказался в исключительно образованном, просвещенном, демократичном кругу. В дом профессора приходили многие известные ученые, музыканты, художники и писатели, бывал в доме и Лев Толстой, впечатления об этих встречах Белый описал в воспоминаниях, статьях, художественных произведениях.

Автобиография и воспоминание вызвали постоянный интерес поэта с раннего периода его жизни. Близость уже и в этом он находил с Л. Н. Толстым, выбрав эпиграфом к повести «Котик Летаев» (1918) размышления Наташи Ростовской в диванной: «...когда вспоминаешь, вспоминаешь, всё вспоминаешь, до того до-вспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете» (Белый, 1989а, с. 428). Также ретроспектива сформулирована им как один из приемов йогической практики (см. рассказ «Йог», где главный герой вечером «пропускал все события дня перед собою в обратном порядке: от последнего мига до мига своего пробуждения» (Белый, 1995, с. 304)). О чем в общем-то уже и отвечает Наташе в том разговоре «Войны и мира» грамотная Соня: «это метампсихоза» (Толстой, 1938, с. 279), т. е. переселение душ. Андрей Белый наметил точки пересечения своей мистической практики и мировоззрения Л. Н. Толстого, что также параллельно и позже подробно проанализировал в статьях о писателе.

Первое воспоминание о Толстом пришлось на юный возраст Белого, до четырех лет: «сырые колени, на которых сидел и детской рукой снимал пылинки» (Белый, 1988, с. 639). В повести «Котик Летаев» в безусловно соотнесенной с реальной ситуацией сцене подчеркивается, что имя великого русского писателя в доме отца произносилось настолько часто, что в детском восприятии рассказчика существовало как нарицательное: «не знал, что такое – т_о_л_с_т_о_е (или, что ли, – т_о_л_с_т_о_в_с_т_в_о): ну, там, – звание, как звание архиерея, попа, математика; и где водятся архиереи, там есть и т_о_л_с_т_ы_е; так бы я ответил тогда на неуместнейший вопрос о Толстом; если бы в это время я знал, что университетские города существуют повсюду, то я бы ответил, что на город приходится: по математику, губернатору, архиерею и... Льву Толстому» (Белый, 1922, с. 137). Частота упоминаний писателя свидетельствовала о его колоссальной популярности, но привела к отсутствию особого интереса у подрастающего героя, однако сама история в духе «я у Толстого на коленях сидел» была значима для зрелого поэта, упоминалась им многократно.

Облик писателя вполне традиционен: серая грубая одежда, огромная борода. Взгляд ребенка, не отражающий полный образ человека, а лишь части, поэтому так важны оказываются «пылинки на серых толстовских коленях» и борода, щеко-тавшая лобик. Этих деталей достаточно, чтобы в воображении мальчика возникла целая волна ассоциаций, вызванных не до конца понятными еще ему вещами, обсуждаемыми в доме, прежде всего отцом: о львиных гривах «Толстых», о пророке Магди, о простом мужике и пр. Миф о Толстом «работает» на общую

концепцию романа «Котик Летаев»: показать пробуждающееся сознание ребенка, постепенно осознающего и познающего мир. Поэтому так важен фон происходящего вокруг героя. «Белый воссоздает зарождение “духа” самосознания (пресуществление “Я” из монады души) также через передачу ощущений “окрыленного трепещущего роста” индивидуальности: “Мои детские первые трепеты: трепеты ощущаемых мысле-чувствий сознания”» [Обатнина, 2008, с. 50].

В главе «Дом Косякова» автор при помощи ритмизованной прозы создает колорит Москвы конца XIX в., в который включен и Л. Н. Толстой:

Впечатления – записи Вечности.

Если б я мог связать воедино в то время мои представления о мире, то получилась бы космогония.

Вот она: –

– Дом Косякова, мой папа и всё что есть, Львы Толстые – мне кажутся вечными: –

– всё, крутятся, пролетает во мгле, но не дом Косякова <...>

А по Арбату же: –

– в серой войлочной шляпе и в валенках пробегает в Хамовники...

Лев Толстой; и там раздробляется он в «толстовство» законами пучинного пульса; и о толстовцах мы слышим; «толстовцы» бывают у нас; а смысл – коллобродит... (Белый, 1922, с. 142–144).

Толстой оказывается частью мира героя, частью Москвы, великого русского писателя тогда можно было встретить просто на улице, что служило поводом для рождения всяческих легенд.

Также частью этого мира становится миф о толстовстве (при условной соотносительности самого великого писателя с этим движением). Миф о толстовстве Белый интерпретирует традиционно: большое количество людей, воспринявших идеи писателя и стремившихся опроститься, общались с Толстым, поощрялись им, но он всячески отказывался официально оформлять это движение и тем более возглавлять его, боясь превращения его в секту. Поэтому «пучинный пульс» и «раздробляет» образ Толстого в толстовство, идеи живут в этих людях, но прямой связи с жизнью писателя нет. Младенец Котик в своем становлении отражает образ воссозданного его воображением реального мира.

Одним из важных образов в «Котике Летаеве» становится Рупрехт – рождественский спутник святого Николая, бытующий в немецком фольклоре. Он для рассказчика и символ Рождества, и абсолютно иного мира, который вдруг оживает в этом образе, видится герою повсюду, оживает в людях, в отце на Арбате. В «Воспоминаниях о Л. Н. Толстом» описана эта же сцена в том же месте, но воплощением Рупрехта становится уже не отец Котика, а Толстой: «...день был теплый, зимний, надвигалось Рождество, на Арбатской площади стояли зеленые елки, в окнах блистали звезды и бусы, и посыпанные серебряной солью Рупрехты» (Белый, 1988, с. 641). Московская погода, по воспоминаниям Белого, была по-настоящему сказочной, снежной. Переходя Арбатскую площадь, мать юного героя указала ему на «снежного старика с серыми глазами», рассказчик увидел «только сутулую спину, сырую круглую шапку да валенки». Результатом этой мимолетной встречи для Бориса стало то, что «образ Толстого слился для меня с образом снежного, елочного деда, приносящего детям подарки, что-то было сказочное для меня в этой встрече» (Белый, 1988, с. 641–642).

Согласно европейскому фольклору, в длинные темные ночи рождественского периода в мире бродит множество таинственных пугающих фигур. Фольклористы интерпретируют этих персонажей как приметы языческих духов, которые соединились с возникшей христианской традицией. Таким примером является и история Святого Николая. Епископ IV в. превратился в волшебника, который дарит подарки на Рождество в большей части Северной и Центральной Европы. Однако, согласно фольклору, эта явно христианская фигура путешествует в сопровождении различных, несколько зловещих спутников. В Чехии доброго Николая сопровождает кто-то вроде черта, в Голландии – дьявольский Черный Петр, а в немецкоязычных странах за Святым Николаем следует чумазый Кнехт Рупрехт, который наказывает непослушных детей.

По преданию Рупрехт поражает окружающих своим грозным поведением и неопрятным видом. Он носит одежду из лохмотьев, соломы или меха, его лицо с бородой почернело от копоти. Кроме того, он носит с собой один или несколько инструментов своего ремесла: кнут, палку, колокольчик или мешок. Колокольчик предупреждает о его приближении. Он обучает всех детей хорошему поведению и наказывает плохих детей кнутом или палкой. Святой Николай и его спутник посещают дома в канун дня Святого Николая, попадая в жилища через дымоход. В большинстве случаев Кнехт Рупрехт следует за Святым Николаем, служа постоянным напоминанием о судьбе, ожидающей непослушных детей [Gulevich, 2010, p. 409–412].

Миф о Рупрехте и миф о Толстом соединяются в восприятии рассказчика по своей внешней схожести. Маленький Боря видит в окнах «посыпанных серебряной солью Рупрехтов», т. е. игрушек новогоднего персонажа, постепенно вырастающего к XX в. в самобытного русского рождественского героя – Деда Мороза. Толстой, столкнувшийся с гуляющими матерью и сыном Бугаевыми, был также весь в снегу с «осеребренной хлопьями бородой». И образы Рупрехта (Деда Мороза) и Льва Толстого в сознании маленького мальчика сливаются в своем сказочном волшебстве. В мифе о Толстом-Рупрехте зловещего нет, но холодность и загадка присутствуют в полной мере. Благодаря увлечениям матери Андрей Белый с раннего детства серьезно занимался музыкой, музыкальное образование сказалось и на его поэтическом творчестве. Конечно же, ему была знакома пьеса «Knecht Ruprecht» (в русском переводе «Дед Мороз») Р. Шумана из «Альбома для юношества» (1848). Поэтому можно предположить, что миф о «снежном дедушке Рупрехте» был воспринят рассказчиком в детстве не только визуально, но и аудиально – в романтическом музыкальном исполнении. Цикл произведений Шумана был очень популярен и даже подтолкнул П. И. Чайковского к созданию своего «Детского альбома» (1878).

Воспоминания рассказчика о Толстом отрывочны, мимолетны, «след события, момент, картина, иногда переплетаемая с фантазией» (Белый, 1988, с. 639), как это и случается в детстве, но вполне соответствуют семантике традиционного толстовского мифа: простая сырая серая одежда, борода – приметы мифологемы об опрошении писателя. К этой же части мифа относится и комментарий домашней прислуги: «не разберешь – мужик или барин» (Белый, 1988, с. 641), потому как простая одежда Толстого часто могла ввести в заблуждение о его происхождении (ср. другой вариант из книги воспоминаний «На рубеже двух столетий»: «да так какой-то, седой, из простых» (Белый, 1989б, с. 132)). Общение с Толстым, его мягкость в разговоре с матерью рассказчика о сущности смерти (при этом ге-

рой отмечает «счастлирое лицо матери» после встречи (Белый, 1988, с. 641)) совершенно в духе мифологемы о «писателе-проповеднике».

Воспоминания более позднего времени уже вполне сюжетны и полны. На удивление, тот сказочный Дед Мороз в следующей части мемуаров А. Белого в большей степени оказывается традиционным немецким Рупрехтом, принявшим облик строгого Льва Николаевича Толстого.

Во время учебы в Поливановской гимназии (одном из самых популярных учебных заведений того времени, которым руководил известный педагог и литературовед Л. И. Поливанов) герой на протяжении года много времени проводил в хамовническом доме Толстых, поскольку сдружился со своим однокашником Михаилом Львовичем Толстым. Рассказчик в описании атмосферы жилища противопоставляет смех, игры, беготню детей, гостеприимство Софьи Андреевны одиночеству, отчужденности главы дома. Автор воспоминаний рисует «на фоне веселой молодежи» «сосредоточенную», «большую-большую седую» голову Толстого, которая «на широких плечах сидела упорно, и улыбка редко показывалась на устах» (Белый, 1988, с. 642–643). Всё в том же опрошенном облике, т. е. простой одежде, синей блузе, великий писатель чувствует себя далеким от всего происходящего в доме, но при этом он не хочет казаться невнимательным, поэтому иногда выходит к гостям, задает детям вопросы, неожиданные и не к месту. Тогда у десятилетнего Бориса пропал всяческий интерес к Толстому, поскольку было неловко находиться рядом с ним. Закономерный вывод об этом периоде своей жизни делает рассказчик: «Толстой не живет у себя в Хамовниках, а только проходит мимо: мимо стен, мимо нас, мимо лакеев, дам: выходит и входит. Лев Николаевич так и остался для меня прохожим на толстовских субботах» (Белый, 1988, с. 643). Жизнь Толстого для автора воспоминаний не соотносима с жизнью простого человека, он только прохожий, если судить в рамках реальности простого человека, ничто по-настоящему не может его привлечь в жизни обыденной, так как создан он совсем для другого. «Это хождение Толстого по дому стало теперь для меня хождением символическим, ходил в Москве среди нас, ходил у себя в Хамовниках, присел в Ясной Поляне и, наконец, – ушел» (Белый, 1988, с. 643). Здесь Андрей Белый соединяет мифологему ухода Толстого в мифологему о великом писателе и мыслителе Толстом. Впоследствии значение ухода из Ясной Поляны он разовьет в своих культурологических статьях.

Величие Толстого подчеркнуто особо: «комнаты казались меньше в его присутствии, речи казались пошлее, телодвижения – скованными» (Белый, 1988, с. 644), поэтому и смотрел «полевым великан», по мнению рассказчика, не на людей, а сквозь них, мимо, дальше, дольше в поля и просторы, дальше от городов и обществ, от простых, пошлых, средних людей, к коим причисляет себя и Белый в ту пору. Истинное влияние Толстого писатель почувствует только с 1910 г., о чем совершенно определенно напишет в поздних воспоминаниях: «Впечатление от Толстых, – впечатление от полустанка, у которого постоял поезд жизни моей лишь несколько секунд; как не соответствовало оно оглушающему влиянию на меня Льва Толстого с 1910 года» (Белый, 1989б, с. 333).

В «Воспоминаниях» автор использует также мифологему о музыкальности Льва Николаевича. Классическую музыку писатель воспринимал очень серьезно, слушал всегда очень внимательно, а после зачастую даже не мог говорить, а только «долго сидел у рояля с опущенной головой. Надолго запомнилась большая, серебряная голова великого старца, склоненная в звуки» (Белый, 1988, с. 644). Белый передает этот образ в новой форме. Голова может быть склоненная, на-

пример, в раздумье или в мольбе, Толстой же преклоняется перед великой музыкой, вливаясь в нее.

Другое впечатление производит на писателя цыганская песня: «пленительная улыбка осветила строгое его лицо, глядящее мимо – мимо всего» (Белый, 1988, с. 644]. Народная музыка отдает свежестью, молодостью, поэтому веселит, а не вселяет раздумье.

Образ сурового Рупрехта-Толстого не оставляет Андрея Белого и в поэтических произведениях. В 1909 г. поэт составляет сборник ямбических стихотворений «Урна», частью которого является раздел «Посвящения», состоящий из трех произведений: «Льву Толстому», «Сергею Соловьеву», «Э. К. Метнеру. (Письмо)».

Посвящение Л. Н. Толстому, созданное в 1908 г., в год восьмидесятилетнего юбилея писателя, подытоживает уже вполне наметившийся в обществе разрыв поколений, а во многом и разрыв эпох. От облика Рупрехта («кого когда-то зрел и я») в этом образе остается «великан, годами смятый», «мороз косматый», «клюка», «старик пурговый» (Белый, 2006, с. 353), но в данном случае перед читателем уже философское размышление, здесь нет того рождественского снежного детского волшебства, хотя ни в словах «косматый», ни «пурговый» у Белого нет отрицательной коннотации (ср., например: «сквозь нежный ветер пурговой» (Белый, 2006, с. 34)). В стихотворении противопоставлены Лев Толстой с приметами мифологемы об опрошении («бредешь от курной хаты», «клюка», «поля», «грозных косм») и юные современники Андрея Белого с «мыслями зеленыя», «легкомысленным позором», «мимолетным жизни сном». Великий Лев принадлежит вечности («молнией лязгнувшее Время»), поэтому явился как приговор для праздного живущего, далекого от бессмертия поколения.

Раздел «Посвящения» в сборнике Белого предваряет раздел «Думы», в котором часть стихотворений напрямую переключается с размышлением о роли Толстого в настоящем (например, произведения «Рок» (1907) и «Время» (1908); последнее в других изданиях несколько раз разделялось на два отдельных текста «Дед» и «Время» – Берлин, 1923). Великий простой мудрец («великан, годами смятый», «старик лихой, старик пурговый из грозных косм подымлет взор» – «Льву Толстому») – «косматые склонил седины» («Время») – «копиеносец седовласый» («Рок») по-прометеевски рассекает временные потоки («молнией лязгнувшее Время» – «Льву Толстому») – «лениво лязгающий плуг» («Время») – «изрезающая молнии жгучей» («Рок»), выступает в качестве необратимой судьбы, рока («упорно ком бремени свинцовый рукою ветхою простер» – «Льву Толстому») – «давит каменное бремя» («Время») – «так лет мимотекущих бремя несем безропотные мы» – «за жизнь, покрытую обманом» («Рок»). Для молодых людей, бездумно проживающих эти дни, жизнь кажется привлекательной: «златистый, чистый неба склон» («Льву Толстому») – «ты скажешь день» («Время») – «прошлые години куполами облаков» («Рок»), но вечность всегда побеждает мгновения счастья («во тьму иных, глухих времен» («Льву Толстому») – «когда железным зубом время», «нам взрежет бархат вечной тьмы» («Время») – «мертвые стремнины в ночь утопающих веков» («Рок»), и легковесность молодости не выдержит истинной морали: «падешь ты, как мороз косматый, на мыслей наших зеленыя» («Льву Толстому») – «над бархатами свежих борозд да всходит свежесть зеленей» («Время»). Несмотря на призывы к довлеющему роком Льву Толстому «обрушь его в иное племя, во тьму иных, глухих времен» (Белый, 2006, с. 353, 351, 349), лирический субъект осознает, что бремя принадлежит только нам и от него нику-

да не деться. В предисловии к сборнику автор написал: «лейтмотив этой книги – раздумье о бренности человеческого естества с его страстями и порывами» (Белый, 2006, с. 297), поэтому в «Посвящении» личность Льва Толстого противопоставлена «бренности человеческого естества»: он не бренность, а вечность, не человек, а сверхчеловек (монада, йог, брахма и т. д.), не животное естество, а перешагнувший в области духовного. Значимость толстовского мифа в культурной парадигме начала XX в. для Белого безусловна. Мифологема величия эпохи, связанной с именем Толстого, видится в этом тексте.

В статье «Лев Толстой и культура сознания» Белый развернет свои поэтические метафоры в прозе: «Уже близятся говоры нового имени в треснувших громко камнях; камень, “Ich”, уже треснул в два имени. Гром уже грянул; Толстой – это туча, откуда гремит; и культура, в которую верили мы, перед нами, как труп; как восстанет она? В туче – белая молния; это – младенец, рождённый огромными массами пара; и этот младенец, агукнувший в туче, – Толстой же; он в туче – “титан”; и он в молнье – младенец: агукает по-мужицки нам вещи истинны» (Белый, 2016, с. 106). Здесь и молнии, и гром, и туча, как и в «Посвящении»; нет в стихотворении только младенца Толстого – провозвестника новой культуры.

В дальнейшем образ Толстого будет возникать у Белого лишь в публицистических статьях, свидетельствующих о постоянном поиске своей культурологической теории, хотя, естественно, идеи толстовства и мотивы его художественных произведений найдут отклики и в романе «Петербург», и в других художественных произведениях. С первой женой Асей Тургеневой поэт переезжает в Швейцарию и вливается в коммуну учеников Р. Штейнера. В антропософской доктрине австрийского эзотерика Андрей Белый находит множество элементов, объединяющих ее с толстовством, и начинает создавать сложный синтез толстовства, антропософии, христианства, буддизма и других религиозно-мистических учений. Особенно потрясли поэта (как и многих его современников) уход и смерть Л. Н. Толстого, которые подтолкнули к еще более глубоким метафизическим размышлениям и отразились в многочисленных лекциях, набросках, статьях А. Белого (см.: «Материалы к биографии», «Ракурс к дневнику» (Андрей Белый, 2016)).

Первой такой полностью оформленной попыткой станет статья А. Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (1911). Трагедию Толстого поэт отсчитывает тридцатью годами (от первых кризисных проявлений («арзамасского ужаса») до смерти писателя): «Как неподвижная глыба многие годы над Европой занесенный Толстой каменел вопросом» (Белый, 1911, с. 7), т. е. с самого начала Белый обозначает не только толстовский кризис, но и кризис всей Европы. И кризис этот лишь нарастает на рубеже веков: «камень, срываясь и скатываясь обрастает снегом; лавина растёт» (Белый, 1911, с. 7). И в определенный момент лавина уже не могла сдерживать себя, набрав чрезмерный вес, – Толстой встал и пошел. В походе этом, заставившем содрогнуться весь мир, поэт видит «богатырское начало нашей литературы» (Белый, 1911, с. 9). Только единственному великому Льву удалось преодолеть порог гениальности, добраться до вершины, в то время как у подножия своих вершин «погиб Ницше, мучился Гоголь, изнемогал в эпилепсии Достоевский» (Белый, 1911, с. 41).

Это величие Толстого, по мнению Белого, смогло быть достигнуто благодаря соединению гения творческого и гения жизненного, гений жизни смог замолчать в период художественного величия писателя, а гений литературного творчества смог умолкнуть в период проповедничества. Важным оказывается и толстовский *genius loci*, до сих пор притягивающий, как магнит, людей со всего мира: «Ясная

Поляна действительно стала “ясной”, как бы озаренной молнией последнего соединения» (Белый, 1911, с. 45). И именно этот луч восходящего солнца должен стать предвестником новой жизни России. Мифологема величия Толстого здесь обретает мессианские рамки, свет надежды исходит не из столиц, не из великого реализма Достоевского, не символизма Ф. Сологуба, не нового реализма М. Горького, да и к самому себе Белый таких иллюзий не питал: «Не Петербург, не Москва – Россия; Россия и не Скотопригоньевск, не городок Передонова, Россия – не городок Окуров, не Лихов. Россия – это А с т а п о в о, окруженное пространствами; и эти пространства – не лихие пространства: это я с н ы е, как день Божий, лучезарные поляны» (Белый, 1911, с. 46).

В статье Белого «Лев Толстой и культура» (1912) утверждается еще одна интересная мысль, характеризующая Толстого: попытка отказа писателя от чего бы то ни было только возвышает его в этой конкретной отрицаемой им сфере: «Личность же эта как будто всякий раз вырастала по мере того, как от личности отказывался Лев Толстой. Проклиная культуру, он остался в культуре; отрицая государство, не ушел из него – да и куда бы мог он уйти» (Белый, 1994, с. 56). Такая трактовка семантически близка мифологеме непротивления злу насилем, как она понимается в статье М. Волошина «Судьба Толстого» (1910): герой вновь и вновь испытывает себя, а только лишь находит удовольствие и в физическом труде, и в отказе от материального, опекаемый домашними, не может вырваться из им самим созданного круга добродетели (см. подробнее об этом: [Курьянова, 2021, с. 70–71]). Андрей Белый и Максимилиан Волошин с женами окажутся вместе на строительстве Гётеаниума в антропософском центре Р. Штейнера, поэтому близость взглядов поэтов вполне объяснима.

В статье Андрей Белый развил и утвердил мифологему величия Толстого, прошедшего через смерть и достигшего бессмертия. Поэт подчеркнул грандиозность идеи опрощения, черты которого можно наблюдать уже в толстовском народном герое Кутузове; правда Толстого противопоставлена земному шару, покрытому «плесенью цивилизации». Утверждается также значение Ясной Поляны, той «сохи», к которой сам проповедник казался лишь приложением, «олеографией» (Белый, 1994, с. 58). В статье «Толстой и мы» писатель предстает в образе «вещего старика, с глубокими, внутрь глядящими глазами» (Литераторы о Льве Толстом..., 1992, с. 84) – подчеркнутое мессианство Толстого коррелирует с мифологемой Толстого-пахаря, ярко проявленной на одноименной картине И. Е. Репина, а затем подхваченной уже в литературных текстах. Белый не просто транслировал мифологему опрощения, а представил своего героя единственным пахарем всей земли русской, нет у него соратников, никто не поднимется на его уровень. Никто, кроме него, не сможет привести перемены.

В статье «Лев Толстой и культура сознания» (см. подробнее: [Лавров, 2016]) «круг чтения» писателя в силу своей замкнутости и повторяемости обозначен как мантра, а близкий к восточным практикам вид иноческой активности – старчество – проявлен, по мнению Андрея Белого, и в Толстом. Мифологема «Толстой-старец, Толстой-отшельник» интерпретирована автором в духе индийской философии. Кроме того, он первый «Ману», т. е. прародитель человеческого рода, осознавший значимость Манаса, он лев с орлиной головой (Белый, 2016, с. 68–70). Белый отрицает трактуемое непротивление злу насилем как бездействие, аргументируя постоянным движением Толстого, желанием идти пешком, «выйти из бешеной скачки: из поезда» (Белый, 2016, с. 99). Но направление движения великий Лев может только указать, сам он вас не повезет, убежден Белый, уверен-

ность в общем пути сбита с толку многих толстовцев, тут возникла мифологема о толстовстве: «Лев Толстой появляется в мир, как агент пароходной компании, всем указуя пути – лишь до гавани; гавань – наивное взятие мыслей Толстого, которые, действуя, перевозят сознание в Новый таинственный Свет, пока многие из толстовцев, наивно усевшись на пристани, думают, что они в Новом Свете» (Белый, 2016, с. 105).

В главе «Еще раз “Толстой” и еще раз Толстой» (1926) исследования «История становления самосознающей души», кроме уже использованных ранее мифологем Белый показал с негативной оценкой другую сторону активно живущего в народе, культуре и литературе профанного мифа о Толстом: «...мы поскорее состряпали – ложь об “учителе”: в карикатуру. Толстой стал учиться... у пахаря, у мужика, у сапожника: Боже мой, – сколько годов говорилось с ужимочкой, как он тачал сапоги в назидание нам!» (Андрей Белый, 1999, с. 290). Причем поэт напрямую говорил о «состряпанном мифе», не вполне отдавая себе отчет, что создал такой же миф, но охранительного содержания.

В этой статье Белый сформулировал идею давно задуманного текста «Толстой и йога», завив, что «“учение” Толстого есть популяризация йоги, пути, повествующего, как в работе сознания над миром астрала рождается мудрость и как из работы дальнейшей над телом эфирным рождается будхи» (Белый, 1999, с. 297). Поэт пришел сам к этому пути, пришел и своими героями (в том числе, например, Иваном Ивановичем Коробкиным в рассказе «Йог») и воспринял этот путь как «путь индивидуального посвящения, путь йоги, потом – путь испытаний, более социально значимый и более интересный ему в перспективе его раздумий о России будущего» [Спивак, 2020, с. 210].

Таким образом, значимость личности Л. Н. Толстого в работе творческого сознания Андрея Белого безусловна. В 1927 г., как известно, поэт создал уникальную автобиографию – нарисовал подробнейшую красочную схему своей жизни, где обозначил линии человеческого бытования и творческой биографии, конкретных людей, которые оказали на него духовное или человеческое влияние. Толстой обозначен на этой схеме 1919–1920 гг., периодом особенно глубокого размышления Белого над проблемами культуры, кризисом культуры и кризисами в целом. Но миф о Толстом создает поэт не только в статьях, а прежде всего в воспоминаниях, в романе «Котик Летаев» и стихотворном посвящении «Льву Толстому». Для Андрея Белого особенно значимыми оказываются традиционные для биографического мифа русского писателя мифологемы об опрощении Толстого, величии Толстого, непротивлении злу насилием, но важна оказывается также мистическая составляющая, реализованная поэтом в образе рока или в облике персонажа немецкого фольклора Рупрехта.

Список литературы

- Курьянова В. В.* Толстовский миф в творчестве В. В. Маяковского // *Literra*. 2018. № 4. С. 152–167.
- Курьянова В. В.* Толстовский текст и миф о Л. Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // *Научный диалог*. 2019. № 1. С. 179–194.
- Курьянова В. В.* Толстовский миф в творческом сознании М. А. Волошина // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2021. № 3. С. 68–75.
- Лавров А. В.* Андрей Белый на подступах к Толстому // *Русская литература*. 2016. № 3. С. 47–58.

Лошаков А. Г., Шушарин И. А. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 117–127.

Обатнина Е. А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М.: НЛО, 2008. 296 с.

Спивак М. Андрей Белый – мистик и советский писатель. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2020. 610 с.

Gulevich Tanya. Encyclopedia of Christmas & New Year's Celebrations. 2nd ed. 2010. 1004 p.

Список источников

Андрей Белый. Душа самосознающая / Сост. и ст. Э. И. Чистяковой. М., 1999. С. 276–302.

Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев; науч. ред. М. Л. Спивак; сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад, подгот. текста А. В. Лаврова, Дж. Малмстада, Т. В. Павловой, М. Л. Спивак; ст. и коммент. А. В. Лаврова, Дж. Малмстада, М. Л. Спивак. М.: Наука, 2016. 1120 с. (Литературное наследство. Т. 105)

Белый А. Собр. соч. Серебряный голубь: Рассказы / Сост., предисл., коммент. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1995. 335 с.

Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: В 3 кн. / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М.: Худож. лит., 1989б. Кн. 1. 543 с., ил., портр. (Литературные мемуары)

Белый Андрей. Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М: Мусaget, 1911. 46 с.

Белый Андрей. Котик Летаев. Петербург.: Эпоха, 1922. 296 с.

Белый Андрей. Критика. Эстетика. Теория символизма: В 2 т. М., 1994. Т. 1. 478 с.

Белый Андрей. Воспоминания о Л. Н. Толстом // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник. М.: Сов. писатель, 1988. С. 638–645.

Белый Андрей. Котик Летаев // Белый Андрей. Старый Арбат: Повести. М.: Моск. рабочий, 1989а. С. 428–578. (Литературная летопись Москвы)

Белый Андрей. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, состав., примеч. А. В. Лаврова, Джона Малмстада. СПб.; М.: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006. Т. 1. 640 с. (Новая Библиотека поэта)

Белый Андрей. Лев Толстой и культура сознания // Русская литература. 2016. № 3. С. 59–119.

Литераторы о Льве Толстом (материалы из архива В. В. Водовозова) / Вступ. ст., коммент., подгот. текста Ф. Л. Федорова // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 83–86.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1938. Т. 10: Война и мир (1863–1869, 1873). Том второй. 436 с.

References

- Gulevich Tanya. *Encyclopedia of Christmas & New Year's Celebrations*. 2nd ed. 2010, 1004 p.
- Kur'yanova V. V. Tolstovskiy mif v tvorcheskom soznanii M. A. Voloshina [Tolstoy's myth in the creative mind of M. A. Voloshin]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 2021, no. 3, pp. 68–75.
- Kur'yanova V. V. Tolstovskiy mif v tvorchestve V. V. Mayakovskogo [Tolstoy's myth in the works of Vladimir Mayakovsky]. *Litera*. 2018, no. 4, pp. 152–167.
- Kur'yanova V. V. Tolstovskiy tekst i mif o L. N. Tolstom v tvorchestve I. Il'fa i E. Petrova [Tolstoyan text and the myth of Leo Tolstoy in the works of I. Il'f and E. Petrov]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2019, no. 1, pp. 179–194.
- Lavrov A. V. Andrey Belyy na podstupakh k Tolstomu [Andrei Bely on the approaches to Tolstoy]. *Russkaya literatura*. 2016, no. 3, pp. 47–58.
- Loshakov A. G., Shusharin I. A. *Prolegomeny k kontseptsii Pushkinskogo teksta russkoy literatury* [Prolegomons to the concept of the Pushkin text of Russian literature]. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2016, no. 5, pp. 117–127.
- Obatmina E. A. M. Remizov: *Lichnos' i tvorcheskie praktiki pisatelya* [Remizov: The personality and creative practices of the writer]. Moscow, NLO, 2008, 296 p.
- Spivak M. *Andrey Belyy – mistik i sovetkiy pisatel'* [Andrei Bely – mystic and Soviet writer]. 2nd ed. Moscow, RSHU, 2020, 610 p.

List of sources

- Andrey Belyy. *Avtobiograficheskie svody: Material k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevnik 1930-kh godov* [Autobiographical compilations: Material for biography. Foreshortening to the diary. Registration records. Diaries of the 1930s]. A. Yu. Galushkin, O. A. Korostelev, M. L. Spivak (Eds.); A. V. Lavrov, Dzh. Malmstad (Comps.); A. V. Lavrov, Dzh. Malmstad, T. V. Pavlova, M. L. Spivak (Prep. of the text); A. V. Lavrov, Dzh. Malmstad, M. L. Spivak (Comment.). Moscow, Nauka, 2016, 1120 p. (Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. vol. 105)
- Andrey Belyy. *Dusha samosoznayushchaya* [The self-conscious soul]. E. I. Chistyakova (Comp.). Moscow, 1999, pp. 276–302.
- Belyy A. *Na rubezhe dvukh stoletiy. Vospominaniya: V 3 kn.* [At the turn of two centuries. Memoirs: In 3 bks.]. V. Vatsuro, N. Gey, G. Elizavetina et al. (Eds.); A. Lavrov (Intr. art., comm., text prep.). Moscow, Khudozh. lit., 1989b, bk. 1, 543 p., il., portr. (Literaturnye memuary [Literary memoirs])
- Belyy Andrey. *Kotik Letaev*. Peterburg, Epokha, 1922, 296 p.
- Belyy Andrey. *Kotik Letaev*. In: Belyy Andrey. *Staryy Arbat: Povesti* [Old Arbat: Stories.]. Moscow, Mosk. rabochiy, 1989a, pp. 428–578. (Literaturnaya letopis' Moskvy [Literary chronicle of Moscow])
- Belyy Andrey. *Kritika. Estetika. Teoriya simbolizma: V 2 t.* [Criticism. Aesthetics. Theory of symbolism: In 2 vols.]. Moscow, 1994, vol. 1, 478 p.
- Belyy Andrey. *Lev Tolstoy i kul'tura soznaniya* [Leo Tolstoy and the culture of consciousness]. *Russkaya literatura*. 2016, no. 3, pp. 59–119.
- Belyy Andrey. *Stikhotvoreniya i poemy: V 2 t.* [Verses and poems: In 2 vols.]. Vstup. st., podgot. teksta, sostav., primech. A. V. Lavrov, Dzhona Malmstad (Intr. art.,

text prep., comp., notes). St. Petersburg, Moscow, Akademicheskii proekt, Progress-Pleyada, 2006, vol. 1, 640 p. (Novaya Biblioteka poeta [New library of a poet])

Belyy Andrey. *Tragediya tvorchestva. Dostoevskiy i Tolstoy* [Tragedy of creativity. Dostoevsky and Tolstoy]. Moscow, Musaget, 1911, 46 p.

Belyy Andrey. Vospominaniya o L. N. Tolstom [Memories about Leo Tolstoy]. In: *Andrey Belyy: Problemy tvorchestva: Stat'i, vospominaniya, publikatsii. Sbornik* [Andrei Bely: Problems of creativity: Articles, memoirs, publications. Collection]. Moscow, Sov. pisatel', 1988, pp. 638–645.

Belyy A. *Sobr. soch. Serebryanny golub': Rasskazy* [Collected works. Silver dove: Stories]. V. M. Piskunov (Comp.). Moscow, Respublika, 1995, 335 p.

Literatory o L've Tolstom (materialy iz arkhiva V. V. Vodovozova) [Writers about Leo Tolstoy (materials from the archive of V. V. Vodovozov)]. F. L. Fedorov (Intr. art., comm., text prep.). *Otechestvennye arkhivy*. 1992, no. 4, pp. 83–86.

Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch.: V 90 t.* [Complete collected works: In 90 vols.]. V. G. Chertkov (Ed.). Moscow, Khudozh. lit., 1938, vol. 10: *Voyna i mir* (1863–1869, 1873). Tom vtoroy [War and Peace (1863–1869, 1873). Volume two], 436 p.

Информация об авторе

Валерия Викторовна Курьянова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)

Information about the author

Valeria V. Kurianova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 07.07.2022;

одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 29.08.2022

The article was submitted on 07.07.2022;

approved after reviewing on 29.08.2022; accepted for publication on 29.08.2022